

Литература

УДК 820

Жаткин Д.Н., Яшина Т.А.

ТВОРЧЕСТВО ТОМАСА МУРА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ И.П. КРЕШЕВА*

Аннотация. В статье отмечены особенности переводческого и литературно-критического осмысления И.П. Крешевым творчества выдающегося английского поэта-романтика Томаса Мура. Материалом для анализа послужили биографический очерк И.П. Крешева «Томас Мур», увидевший свет в журнале «Сын отечества» (1852, № 4), стихотворные переводы из Томаса Мура «Когда твой верный друг, когда поклонник твой...», «Я видел, поутру, в стремлении игривом...», «Рождение арфы», «Последняя роза» («Последняя роза цветет одиноко...»), «Волшебница» («Я знаю цветы и растенья...»), «Мелодия» («В долине Гангеса, в Эдеме пышных роз...»). К анализу привлекается широкий пласт историко-литературного материала (суждения предшественников и современников И.П. Крешева о Томасе Муре, более ранние переводы на русский язык произведений Томаса Мура, интерпретированных И.П. Крешевым), позволяющий проводить аналогии и осуществлять сопоставления.

Ключевые слова: Томас Мур, русско-английские литературные и историко-культурные связи, литературная критика, традиция, поэтический перевод, межкультурная коммуникация.

D. Zhatkin, T. Yashina

THOMAS MOORE CREATIVE ACTIVITY IN THE LITERARY-CRITICAL INTERPRETATION OF I. KRESHEV

Abstract: The article deals with the peculiarities of translation works and literary-critical interpretation of I. Kreshev creative activity of outstanding English romantic poet Thomas Moore. The material for the analysis was taken from the biography outline «Thomas Moore», written by I. Kreshev, and published in the magazine «The son of Fatherland» (1852, №4), and some poetic interpretations from T.

Moore creative activity, such as «When your true friend, when your admire...», «I saw in the morning, in a playful mood...», «The Birth of Harp», «The Latest Rose» («The latest rose blooms lonely...»), «The Fairy» («I know the plants and the flowers...»), «The Melody» («In the Ganges valley, in the Eden of splendid roses...»). The analysis work includes a large amount of historical-literary material (processors and contemporaries of I.P.Kreshev conclusions about T.Moore, earlier T.Moore poetic works translations into Russian which were translated by I. Kreshev), enable to make analogies and to do comparison.

Key words: Thomas Moore, Russian-English literary and historical-cultural interconnections, literary critics, tradition, poetic translation, intercultural communication.

Биографический очерк И.П. Крешева «Томас Мур», помещенный в четвертой книге «Сына отечества» за 1852 г., во многом основан на материалах французской критики, нередко допускавшей в те годы противоречивые суждения об английском поэте. Сопоставляя творчество Мура и Байрона, И.П. Крешев приходит к выводу, что «всегда нежная, симпатическая, исполненная обаятельной прелести» поэзия ирландского барда может быть охарактеризована как «поэзия воображения», тогда как глубокая, «потрясающая сердце» поэзия Байрона – это «поэзия страсти»; если творчество Байрона подобно «мильтоновой сосне, опаленной небесным огнем и гордо возносящей голову в высших слоях воздуха», то творчество Мура – «цветок без шипов, роскошный, блестящий, распространяющий аромат» [1]. В этих словах можно видеть стремление к эстетизации творчества Мура, желание представить его художником, описывающим добродетель в слащавых салонных стихах и совершенно обходящим «картины страданий и пороков». Очевидно, И.П. Крешеву не были

* © Жаткин Д.Н., Яшина Т.А.

известны такие гражданские произведения ирландского поэта, как «На смерть Шеридана», «Петиция ирландских оранжистов», «Ирландский раб». Считаю Мура «самым искусным колористом между всеми британскими поэтами», И.П. Крешев вместе с тем типизирует изображаемые ирландским бардом реалии: «Очаровательные создания природы, сальеры, благоуханные крылья, цветы, радуга, румянец девственной стыдливости, поцелуй, иногда слезы – вот спутники Томаса Мура» (с. 123). Утверждение, что у Мура «нет ни человеческих образов, ни живописных эффектов» (с. 123), противоречащее всему содержанию статьи, могло быть некритически заимствовано из какого-то французского источника, – тем более что значительная часть французских критиков предпочитала подчеркивать версификационные способности Мура, восхищаться внешней формой его стихов, не вдаваясь в такие подробности, как идейная направленность, связь стихов с ирландской народной поэзией, свободолюбивые мотивы и т. д. О хорошем знании И.П. Крешевым западноевропейских материалов о Муре свидетельствует, в частности, использование высказываний Шеридана и Байрона об ирландском поэте и его творчестве.

Неумеренно восторженная характеристика была дана И.П. Крешевым «восточной повести» Томаса Мура «Лалла Рук», предоставившей «восточной поэзии право гражданства в Европе». Мур, талант которого «резвится и играет в атмосфере ночи, как в своей родной среде», смог ярко показать в своем произведении ослепительную роскошь и «нежные благоухания» ориентального мира. По наблюдению русского критика, поэзия Мура «блестит и сверкает», «заимствует у звезд лучи, у цветов – краски, у фонтанов – жемчуг, у радуги – переливы красок», – тем самым в воображении читателя возникает восхитительный мир, полный невиданных красот, необыкновенных ощущений. «Действие поэмы происходит в Азии, – пишет далее И.П. Крешев, – земле поэтов, которая отдает им в полное распоряжение свое пламенное сердце, алмазные копи, берега, усеянные коралловыми утесами, воинственные и любовные легенды, и все звучные имена. Такой блестящий материал принадлежал по праву Томасу Муру – и он самовластно завладел сокровищами!» (с. 108). Излагая четвертую вставную поэму «Лалла Рук» «Свет гарема», И.П. Крешев называл ее «гирляндой из лучей, цветов и песен», составляющей «достойный венец»

всей «восточной повести». Стремясь как бы уточнить сказанное, критик в качестве иллюстрации приводил песню, которую исполняла волшебница, «сплетая в мистическом порядке блестящие цветы и листья» (с. 111).

Песня чародейки Намуны, которая ведет Нурмангалу в Кашмирскую долину для сбора цветов, была впервые переведена Крешевым и опубликована им в «Сыне отечества» еще в 1842 г.: «Я знаю цветы и растенья, // Откуда, в безмолвьи ночном, // Слетают мечты и виденья // На очи, объятые сном» [2]. Однако для биографического очерка текст раннего перевода был существенно переработан: количество стихов увеличилось с 26 до 32, были внесены стилистические исправления и добавлен рефрен, призванный подчеркнуть песенность поэтического фрагмента: «Скорей же, девица, плети свой венок: // И снам, и цветам лишь до утра дан срок» (с. 111). Символично, что даже в таком произведении, наполненном ориентальными образами-символами, далекими от повседневности, проступает внутреннее мироощущение русского переводчика, постоянно испытывавшего финансовые трудности, существовавшего на скромные литературные заработки, – при переводе стихов Мура о цветке миндаля, навевавшем утешительный сон несчастному, страдавшему от неразделенной любви, Крешев подчеркивал, что страдания героя обусловлены его бедностью.

Существенно более объективным можно считать разбор И.П. Крешевым «Ирландских мелодий», однозначно ассоциируемых с народным эпосом, историческими событиями и, в конечном итоге, с национально-освободительным движением ирландского народа: «В этих прелестных произведениях отразился, как в зеркале, весь характер ирландцев, пылкий и нежный, мечтательный и печальный» (с. 113). И.П. Крешев отмечал тесную связь «Ирландских мелодий» с народной музыкой, предельно существенную для Томаса Мура: «Когда «Ирландские мелодии» были изданы без музыки, под влиянием которой они зарождались в уме поэта, Мур чувствовал какую-то грусть: он видел только скелеты своих созданий, без плоти и крови, без полноты жизни» (с. 113). В статье также затронут вопрос о переводчиках «Ирландских мелодий», причем двое из них, осуществившие лучшие, но вместе с тем немногочисленные переводы, – И.И. Козлов и М.П. Вронченко (М.В...ко) – названы по именам: «Особенно оказал услугу нашей поэзии И.И. Козлов, которого душа

чудесно гармонировала с настроением души ирландского барда <...>. Переводы слепца-поэта, так же как две-три мелодии, переданные пером М. В...ко, заставляют сожалеть, что эти два воссоздателя вдохновений Томаса Мура заимствовали так мало перлов из ожерелья, которое по праву принадлежало им обоим» (с. 113). Судя по этой реплике Крешева, именно И.И. Козлов и М.П. Вронченко были теми переводчиками, кто оказал на него наибольшее влияние. В статье И.П. Крешев воспроизвел один перевод И.И. Козлова («Когда пробьет печальный час вечерней тишины...») и два перевода М.П. Вронченко («Может в зеркале вод отражаться луна...», «Мне дорог час, когда бледнеет пламень дня...»), причем переводы М.П. Вронченко цитировались по тексту их публикации в «Северных цветах» на 1829 год.

В биографический очерк вошли выполненные И.П. Крешевым существенно ранее и впервые опубликованные в 1842 – 1847 гг. в журналах «Сын отечества» и «Репертуар и пантеон театров» три стихотворных перевода из Томаса Мура – «Рождение арфы», «Последняя роза», «Мелодия» («В долине Гангеса, в Эдеме пышных роз...»). Стихотворение Томаса Мура «The origin of the harp...» из третьей части «Ирландских мелодий», переведенное незадолго до Крешева поэтессой Е.Н. Шаховой («Происхождение арфы», 1844), получило известность только после публикации перевода Крешева: «Под ясною влагой морского залива – // Я слышал преданье – сирена жила, // И часто на берег, где зыблется ива, // Она выходила и друга ждала. // И слезы напрасно у бедной лилися // На темные пряди струистых кудрей, // И грустные вопли по ветру неслися, // Тревожа пловцов и ночных рыбаков» («Рождение арфы»; [3]). Перевод Крешева точно передавал характерную развернутую метафору о поющей девушке, был достаточно благозвучен и грамматически правилен, однако вместе с тем легко ощущалась склонность переводчика к пересказу содержания английского оригинала. Именно поэтому русскому читателю требовался новый перевод «The origin of the harp...», который не просто следовал бы за поэтической строкой оригинала, но, при некотором отходе от подстрочности, глубже отражал бы суть авторского замысла. Такой перевод был создан в 1870 г. Д.Д. Минаевым и под заглавием «Сирена» («Я слышал преданье. С глубокой тоской...») увидел свет в «Отечественных записках» [4].

При переводе стихотворения Мура «Т'

is the last rose of summer...» из пятой тетради «Ирландских мелодий» Крешев существенно сократил текст оригинала (вместо трех октав – двенадцать стихов), усилив сентиментальные мотивы. В отличие от буквального перевода М. Васильевой «Увядшая роза», увидевшего свет в 1823 г. на страницах «Дамского журнала», перевод Крешева можно считать вольным, многие художественные образы утрачены, зато появились «безнадежно жемчужные слезы», ветер, закинувший «подруг» розы на «берег далекой», уменьшительно-ласкательные слова («бедняжка», «подружка»): «Последняя роза цветет одиноко; // Завяли подруги ее невозвратно; // Закинул их ветер на берег далекой – // И нет ей ответа на вздох безотрадный... // Не дам я сиротке на стебле томиться, // Ронять безнадежно жемчужные слезы; // Сорву я бедняжку... пусть ветер стремится, // Уносит листочки рассыпанной розы!..» («Последняя роза»; [5]).

Менее известны два других перевода Крешева – «Когда твой верный друг, когда поклонник твой...» (стихотворение Мура «When he who adores thee...» из первой тетради «Ирландских мелодий») и «Я видел, поутру, в стремленьи игривом...» (стихотворение Мура «I saw from the beach...» из шестой тетради «Ирландских мелодий»), опубликованные в 1852 г. в журнале «Пантеон театров» с редакторским примечанием Ф.А. Кони: «Переводом этих двух мелодий Мура редакция обязана И.П. Крешеву, так прекрасно владеющему русским стихом» [6]. Данные переводы были включены редакцией в статью «Томас Мур», написанную А.С. Горковенко, переводчиком романов Булвер-Литтена, Вальтера Скотта, Фенимора Купера, впоследствии известным метеорологом, вице-директором гидрографического департамента [7]. А.С. Горковенко являлся автором статей об американской литературе, написанных под впечатлением поездки в эту страну, сотрудничал в издававшемся А.А. Плюшаром «Энциклопедическом лексиконе».

К сожалению, безвременная смерть не позволила И.П. Крешеву осуществить многого из того, что было задумано им и как переводчиком, и как литературным критиком. Его развитию также серьезно препятствовали материальные трудности, побуждавшие заниматься литературной поденщиной. Однако и то небольшое, что успел И.П. Крешев, можно уверенно считать неопределимым вкладом в популяризацию творческого наследия Томаса Мура в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крешев И.П. Томас Мур (биографический очерк) // Сын отечества. – 1852. – № 4. – Отд. III. – С. 122, 123. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
2. Крешев И.П. Волшебница // Сын отечества. – 1842. – № 10. – Отд. III. – С. 6.
3. Крешев И.П. Рождение арфы // Репертуар и пантеон театров. – 1847. – Т. 2. – Отд. II. – С. 111.
4. Минаев Д.Д. Сирена («Я слышал преданье. С глубоккойтоской...»)// Отечественные записки. – 1870. – № 7. – Отд. I. – С. 127–128.
5. Крешев И.П. Последняя роза (Из Томаса Мура) // Сын отечества. – 1842. – №9. – Отд. III. – С. 6.
6. Кони Ф.А. <Редакторское примечание> // Пантеон театров. – 1852. – Т. 2. – № 4. – Отд. II. – С. 5–6.
7. Горковенко А.С. Томас Мур // Пантеон театров. – 1852. – Т. 2. – № 4. – Отд. II. – С. 1–8.

УДК 821.161.1

Киселёва И.А.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ*

Аннотация. В статье делается попытка обоснования необходимости и возможности изучения творчества М.Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы. Утверждается, что творчество М.Ю. Лермонтова в своих духовно-культурных оснований является собой целостную религиозно-философскую систему. Узловые проблемы лермонтовского творчества – исторический путь России, идея индивидуальности религиозного выбора человека и ответственности за него, борьбы зла с добром как основного содержимого исторического процесса, – являющиеся определяющими категориями для личностного и социального бытия, позволяют говорить о художественном наследии М.Ю. Лермонтова как о последовательно выраженной мировоззренческой системе. Доказывается, что при изучении художественного наследия М.Ю. Лермонтова как феномена, порожденного духовно-культурной жизнью нации, целесообразно использовать достижения отечественной литературоведческой и философской мысли в их синтезе.

Ключевые слова: духовно-нравственный опыт, метафизика, методология, религиозно-философская система, панэтизм, православная традиция, художественная философия.

I. Kiseleva
STUDYING OF M.Y. LERMONTOV'S WORKS AS A PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS SYSTEM: A PROBLEM OF METHODOLOGY

Abstract. The article makes an effort to ground possibility and necessity of studying M. Lermontov's works as a religious and philosophical system. Author states that basis of Lermontov's works represent integral religious and philosophical system. Key problem of Lermontov's works, such as historical way of Russia, the idea of individual religious choice and human responsibility for it, struggle of good and evil as a main content of historical process, are determinant categories of individual and social existence, and all that allows us to consider Lermontov's works as a consequentially pronounced ideological system. The author argues that while studying Lermontov's works as a phenomenon inspired by Russian spiritual and cultural life it is expedient to apply both achievements of literary studying and philosophical thought.

Key words: spiritual and moral experience, metaphysics, methodology, religious and philosophical system, an Orthodox tradition, philosophy of literary works.

* © Киселёва И.А.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Государственный контракт П2406 от 18 ноября 2009 г. (с учетом дополнения П2406/1 от 16 марта 2010 г.), тема «Религиозно-этический и философский потенциал поэзии М.Ю. Лермонтова».

Русская культура влечется к «цельности обретения бытия» (А.Е. Еремеев) [1], и эта цельность проявляется не только на уровне философском, художественном, но и на уровне осмысления всей жизни в ее ценностных доминантах, которые для России связаны с до конца еще не осмысленным гуманитарной